

© 2019 г.

МОДЕЛЬ ДОХОДНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ДИНАМИКА, ФАКТОРЫ, МЕЖСТРАНОВЫЕ СРАВНЕНИЯ / Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 308 с.

Проблема социальной структуры и стратификации – ключевая для социологии. Известно, что в последние десятилетия традиционные научные представления о социальной структуре развитых стран с рыночной экономикой перестали адекватно отражать реальную жизнь. Рабочий класс «съежился» и может теперь терять, помимо «своих цепей», очень многое; средний класс сначала разбух так, что поглотил едва ли не все остальные классы, а потом начал дробиться на разные подклассы; «праздничный класс» в значительной степени выпал из поля зрения социологов, поскольку его трудно изучать типичными социологическими методами; андеркласс частично трансформировался в прекариат. Постсоветская Россия развивается еще сложнее, поскольку в последние четверть века тенденции, общие для модернизированных стран, сочетаются с тенденциями трансформации советского «номенклатурного» строя в «нормальный» капитализм (который на Западе, впрочем, давно стал посткапитализмом). В результате исследователи социальной структуры российского общества оказываются перед клубком проблем, похожим на гордиев узел.

Н.Е. Тихонову российские социологи знают в первую очередь как ведущего специалиста по «разрубанию» этого запутанного узла. Рецензируемая книга – результат очередного (уже пятого) ее фундаментального исследования по социальной стратификации постсоветской России. Поскольку объект анализа многоаспектен и текуч, то каждая новая монография этого цикла является, с одной стороны, оценкой новых изменений в социальной структуре, а с другой стороны, взглядом под новым углом зрения. Обсуждаемая книга стала новым этапом многолетней работы, активное участие в которой приняли и ученики Н.Е. Тихоновой, ставшие за последние годы известными специалистами по этой теме. Поэтому монографии следует рассматривать как произведение возглавляемой ею сильной научной школы.

В монографии представлена проработанная модель социально-экономической стратификации современного российского общества. Один из главных ее сюжетов – влияние на социальную структуру кризисных событий 2014–2016 гг. Ведущей проблемой разграничения крупных социальных групп стало выявление «порога» между бедными и не-бедными. Почему же в исследовании «пропала» другая грань – между достатком и богатством? Видимо, книги Н.Е. Тихоновой – своеобразное «зеркало» российского развития: когда до 2008 г. экономика страны стремительно росла, то по мере роста общего благосостояния актуальным было понимание обеих границ (нижней и верхней) отечественного среднего класса, но в последние годы первоочередными проблемами стали именно защита от бедности и понимание масштаба этой проблемы в России.

Впрочем, хотя специально грань между средне- и верхнедоходными группами в новой книге не обосновывается, решение этой проблемы в книге все же есть. Уже в начальной главе, написанной В.А. Аникиным и Ю.П. Лежниной, предлагается определение границ доходов среднего класса. Авторы дают в ней обширный обзор библиографии проблемы, приходя к выводу, что «к настоящему моменту ни в зарубежной, ни в российской традиции не

сложилось единого понимания того, как должна выглядеть шкала доходов при построении модели доходной стратификации в странах с индустриально развитой экономикой» (с. 47). В то же время, если использовать медианный подход (рассчитывать «пороги» социальной шкалы в долях от медианы доходов), то обнаруживается «хрупкий консенсус»: интервал 0,75–1,25 медианы позволяет выделить в индустриально развитых обществах средний класс, а «доходы более 2 и менее 0,5 медианы представляют собой пороги, отсекающие полярные группы – верхи и низы – общества» (с. 48). Именно этот подход и стал в данной монографии отправной точкой для выделения как средних слоев, так и противостоящих им «верхов» и «низов». Правда, о «верхах» в книге говорится мало, зато сопоставление средне- и нижнедоходных групп представлено интересно и нетривиально.

Постараемся указать на самые оригинальные и парадоксальные наблюдения и выводы авторов. Наиболее детально в разработанной авторами модели доходной стратификации (подробное обоснование дано в главе С.В. Мареевой «Выделение однородных доходных групп: вопросы методики») проработана структура именно нижней части «пирамиды» российского общества. По мнению авторов, наше общество выглядит не как пирамида с широким основанием и узкой вершиной, а как почти симметричный ромб, острыми вершинами которого являются одинаково малочисленные (по 1%) «состоятельные» и «нищие». (Правда, оговаривается, что с учетом слабой доступности для массовых социологических опросов как обитателей разных «Рублёвок», так и люмпенов, долю крайних групп следует расширить примерно до 3–5%.) Казалось бы, это – именно та ромбовидная структура с доминированием средних слоев, которая типична для развитых стран Запада. Однако следует обратить внимание на самую многочисленную «медианную группу», в которую входит более трети россиян. Увы, это – не «нормальный» средний класс, а скорее «нижний средний». Он «скрывает за собой в современной России не благополучную, а уязвимую к бедности, хотя обычно и не бедную, часть населения» (с. 297). Стоит, например, в «медианной» семье родиться второму ребенку – и семья переходит в низкодоходную группу. «...Преувеличивать степень благополучия россиян тоже не стоит, учитывая, что уровень медианных доходов в стране не более чем в полтора раза выше прожиточного минимума. Это определяет достаточно скромный стандарт жизни медианной группы, репрезентирующий типичное положение среднего россиянина» (с. 65).

При взгляде на предложенную модель социальной стратификации может возникнуть вопрос: не навязывают ли исследователи, определяя границы групп, свои субъективные представления? Чтобы парировать это возражение, в главе «“Пороги” между доходными группами: результаты анализа с помощью методов статистической классификации» В.А. Аникин при помощи кластерного анализа проверяет обоснованность использованных границ и приходит к выводу, что выделенные доходные группы (прежде всего, в модели с четырьмя доходными слоями) являются не формально-статистическими, а реально различающимися по своим жизненным шансам группами (с. 91). Кластерный анализ позволяет дополнить количественные характеристики доходных социальных групп качественными (с. 92): депривированные «бедные» (11% населения) борются за выживание, «уязвимые» (23%) отчаянно сопротивляются скатыванию в бедность, «медианная группа» (35%) борется уже за благополучие, «среднедоходные» (22%) живут в относительном комфорте, и только «высокодоходные» (10%) совершили, говоря словами классика, «скачок из царства необходимости в царство свободы» с широким спектром возможностей.

Таким образом, проблема борьбы с бедностью или с ее угрозой актуальна для примерно 2/3 российского общества. Наблюдается парадоксальное сочетание типичной для развитых стран ромбовидной структуры общества со сравнительно высокой планкой, отделивающей реально и потенциально бедных от «средних» и «верхних» слоев. Правда, в книге подчеркивается (особое внимание на это обратила Е.Д. Слободенюк в главе «“Пороги” между доходными группами: результаты анализа рисков бедности»), что риски бедности следует отличать от самой бедности. Приводятся данные по базам РМЭЗ НИУ ВШЭ, согласно которым в медианной группе по состоянию на кризисный 2015 г. почти 3/4 людей ни

разу не попадали в последние четыре года в число бедных, даже среди «уязвимых» таких было более 1/4, и только среди «бедных» их практически не было – «для них бедность была не более или менее высоким риском, а заведомо predetermined состоянием» (с. 115). Нижние четыре (по 7-членной модели) доходные группы, которые подвержены существенным рискам бедности и составляют вместе взятые 68% россиян, практически пополам делятся на тех, кто реально бедным недавно был или является, и тех, кто за последние 4 года (включая кризисные 2014–2015 гг.) ни разу реально бедным не был. Грубо говоря, треть россиян реально бедны, треть не бедны, но боятся ими стать, и лишь последняя треть не только не бедна, но и не опасается бедности.

Констатация относительно высокого уровня российской бедности естественно порождает вопрос о динамических изменениях. С.В. Мареева, рассматривая динамику 2000–2010-х гг., приходит к выводу, что рост потребительских возможностей сильнее затронул медианную группу россиян, в меньшей степени – «уязвимых» и среднедоходных, а слабее всего – бедных и высокообеспеченных (с. 122). Получается, что наиболее сильные выигрыши получили за путинский период режима именно представители самой массовой доходной группы. В то же время, рассматривая маркеры доходных групп (с. 124), многие читатели будут удивлены, узнав, что более половины российских «бедных» – обладатели автомобиля (из них половина – это иномарки) и компьютера. Гранью в потреблении, отделяющей благополучную верхнюю треть от неблагополучных нижних двух третей, является наличие планшета и смартфона. При этом отмечено, что «за последние 15 лет имущественные наборы разных доходных групп стали отличаться в меньшей степени, чем раньше» (с. 144).

Большой интерес вызывает вывод о «пульсирующем» характере изменений социальной структуры (Н.Е. Тихонова, А.В. Каравай). На протяжении последних 15 лет «численность... низкодходных слоев характеризовалась четкой связью с экономическим положением страны – по итогам каждого экономического кризиса она росла, а в период между кризисами сокращалась, колеблясь в диапазоне от четверти до трети населения» (с. 163).

Если в первом разделе книги излагается сама модель доходной стратификации, то второй раздел носит компаративистский характер – российская доходная модель сопоставляется с аналогичными моделями в зарубежных странах. На данных сравнительного международного исследования «International Social Survey Programme» российский профиль доходной структуры сравнивается с профилями семи зарубежных стран – развитых (Германия, Швеция), развивающихся (Китай, Венесуэла, Мексика) и транзитивных (Болгария, Венгрия). Доказывается, что «модель доходной стратификации российского общества являлась по состоянию на начало 2010-х гг. типичной для европейских стран» (с. 199). Далее Н.Е. Тихонова уточняет, что в начале 1990-х гг. три нижние (по 7-членной модели) страты составляли половину всего населения, а не треть, как в последние годы. Таким образом, переход к «обществу массового среднего класса» постсоветская Россия совершала очень быстро, а по массовости медианной группы (пусть пока еще относительно бедноватой) она уже опережает современные европейские страны. С точки зрения модели доходной стратификации Россия, безусловно, была европейской страной даже в 1990-е (с. 223), а к концу 2010-х она еще сильнее приблизилась к европейской норме, понимаемой как выравнивание доходов массовых слоев населения «по среднему». В то же время по глубине доходных неравенств (прежде всего – между элитной «верхушкой» российского общества и всеми остальными) Россия оказалась в промежуточной позиции между западноевропейскими странами и странами «третьего мира». Такое положение противоречит массовому сознанию россиян, которые возмущены гипербогатством тех 1–2% элитариев, которые даже не попадают в базы массовых социологических опросов.

Качественно новым (в сравнении, например, с прежними работами Н.Е. Тихоновой) моментом является повышенное внимание к анализу территориальных аспектов социальных неравенств. Доходную стратификацию в стране Ю.П. Лежнина сопоставляет, прежде всего, с аналогичной стратификацией в отдельных субъектах Российской Федерации и разных типах поселений. Наибольший интерес вызывает наблюдение, что «различия доходов

между регионами во многом скрывают за собой различия в доходах нескольких верхних процентов их населения, а не в доходах представителей массовых слоев в них» (с. 229). Иначе говоря, массовые социальные группы в разных регионах живут схоже, но в них сильно различается количество богатых. Столичные мегаполисы все еще отличаются от «другой России»: «столицы... представляют собой общество массовых средне- и высокодоходных слоев, в то время как во всех остальных населенных пунктах наиболее представительными являются медианная и среднедоходная группы» (с. 231). Высокодоходная группа становится ядром в столицах, а низкодоходная – в сельской местности (с. 234). В то же время отмеченные контрасты в значительной степени отражают различия не в реальных доходах и в их социальном восприятии, а в стоимости жизни и в стандартах потребления. Если эти эффекты элиминировать, используя для моделирования доходной стратификации поселенческую медиану, то такой прием почти полностью «устраняет различия между моделями доходной стратификации столиц, региональных городов и сел и приводит очертания модели доходной стратификации разных населенных пунктов к почти идентичному виду» (с. 244).

Последние две главы второго раздела посвящены причинам вхождения россиян в различные доходные группы. На основе регрессионного анализа рассматриваются факторы принадлежности к различным доходным группам и слоям, а также факторы относительной и абсолютной бедности. Среди них есть самоочевидные – согласно пословице, лучше быть молодым и здоровым, чем старым и больным. Нисколько не удивляет и существенное значение прохождения социализации в крупных городах (а лучше – в одной из столиц). Ожидаем и вывод о высоком значении наличия/отсутствия в семье иждивенцев. В этой связи следует полностью согласиться с привычным упреком в адрес властей, чьи усилия улучшить демографическую ситуацию обречены на низкую эффективность, пока «планирование семьи связано с высокими рисками значительного ухудшения материального положения» (с. 270). В то же время обратим внимание на нетривиальный вывод о зависимости достатка от жизненного цикла: «представители средних и старших возрастов формируют медианную и среднедоходную группы, а молодежь в значительной степени “расходится” по полярным доходным слоям» (с. 272). Это больше напоминает восточную модель мобильности (чем старше, тем зажиточнее), чем западную (чем энергичнее, тем зажиточнее). Надо ли удивляться, что среди молодых россиян наблюдается сильное недовольство тем, что бедность, как и молодость, становится недостатком, который проходит сам собой, но медленно – с отдаленным переходом в следующую возрастную когорту?

Книга производит, в целом, несколько двойственное впечатление. Сужение анализа (в сравнении с предыдущими трудами Н.Е. Тихоновой) – от социальной стратификации в целом до одной лишь доходной стратификации – можно рассматривать как переход от равномерного анализа крупной мегапроблемы к поэтапному углублению отдельных направлений. В таком случае следует ждать следующих книг о стратификации россиян по уровню жизни и, самое главное, по ресурсообеспеченности (т.е. по классовому анализу). Знакомые с парадигмой марксистского обществоведения помнят, что высококвалифицированный наемный работник может быть не беднее многих предпринимателей, но он остается представителем иного класса. В рецензируемой же книге подробно рассматриваются аспекты, связанные с величиной доходов, но среди них трудно найти то, что связано с источниками этих доходов. Когда же этот вопрос затрагивается (см., например, с. 233), то оказывается, что для подавляющего большинства (70–80%) респондентов основным источником является зарплата по основному месту работы, в то время как доходы от собственного бизнеса – только для 1–3%, доходы от собственности и банковский процент – еще для нескольких процентов россиян (максимум в столицах – 10%). Это можно истолковать так, что вся книга посвящена внутренней дифференциации по доходам одного класса – наемных работников. Такое исследование является очень ценным и практически полезным для социальной политики, направленной на борьбу с бедностью, поскольку объясняет, кто и насколько от бедности страдает. Но теории социальной стратификации выполняют и другую важную функцию – помогают понять объективные классовые противоречия и

антагонизмы, детерминирующие социальные конфликты. На вопрос о том, являются ли, например, «высокодоходные» россияне антагонистами «низкодоходных», книга под редакцией Н.Е. Тихоновой не отвечает.

Видимо, рецензируемая книга хотя и может восприниматься как самодостаточный научный труд, должна найти продолжение в будущих монографиях о других – прежде всего, классовых – основаниях современной социальной стратификации.

Ю.В. ЛАТОВ

ЛАТОВ Юрий Валерьевич, доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, главный научный сотрудник Академии управления МВД России, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия (latov@mail.ru).

DOI: 10.31857/S013216250004291-3

MODEL OF INCOME STRATIFICATION OF THE RUSSIAN SOCIETY: DYNAMICS, FACTORS, INTER-COUNTRY COMPARISONS / Ed. by N.E. Tikhonova. M.; SPb., 2018. 308 p. Reviewed by Yu.V. Latov

Yury V. LATOV, Dr. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Leading Researcher of the Institute of Sociology FCTAS RAS, Chief Researcher of the Academy of management of Ministry of Internal Affairs of Russia, Prof., Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia (latov@mail.ru).

© 2019 г.

Щербина В.В. РАЦИОНАЛИЗИРУЮЩИЕ ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ. М.: Новый хронограф, 2018. 416 с.

Монография известного специалиста в области социологии организации и управления профессора В.В. Щербины посвящена проблеме создания и использования одного из типов инструментальных средств для подготовки обоснованных управленческих решений в деловых организациях. История создания этой книги сама по себе представляет безусловный интерес. Работа над монографией шла на протяжении длительного периода (более 40 лет). Траектория профессионального пути автора позволила анализировать управленческие практики и формировать представления о социальных технологиях с различных профессионально-статусных позиций (заводского социолога и руководителя социологической службы отрасли, социального технолога и управленческого консультанта, вузовского профессора и исследователя академического института и пр.). Именно эта особенность придает глубину и уникальность работе. В результате получился фундаментальный труд, который объединяет в себе глубокий теоретический анализ и живое, непосредственное изучение практик управления в советский и постсоветский периоды.

Автор рассматривает управленческую деятельность как особое направление «регулятивной» деятельности и анализирует этот феномен в контексте социального управления, что позволяет шире взглянуть на проблему управления в целом. В монографии в первую очередь ставится и анализируется проблема рационализации управленческой деятельности